

Т.К. САЛБИЕВ

УРОКИ ДРЕВНЕПЕРСИДСКОГО

От автора

В этом году лето выдалось необычайно жарким. Без малого месяц зной не спадал ни днем, ни ночью, так что все вокруг успело впитать его в себя, чтобы потом еще почти неделю нехотя отдавать накопленное тепло, подобно тому, как медленно остывает на берегу холодной горной реки разгоряченное тело человека. Эта жара пришла во второй половине лета, ближе к августу, ихватило ее почти на три-четыре недели медленно тянущегося варева, окутывающего все вокруг, размягчающего мозг и немного всех отупляющего. Безусловно, прав был Александр Сергеевич Пушкин, когда наотрез отказывался любить лето «с его мухами», полагая его порой бестолковой, и замечая, что летом он «всегда болен». Однако и в лете, все же, что-то есть, в нем есть какое-то невыразимое томление, некое предчувствие и обещание, возникающее вследствие замедления потока жизни, обретения им размягчающей вязкости и тягучести. Признаюсь, что этим жарким летом многое изменилось в привычном течении и моей уже устоявшейся жизни: сам строй моих мыслей обратился назад, повернулся вспять, в прошлое, а в их чувственной окраске неудержимо возобладала охра, желто-золотистый цвет солнца. Я вдруг с особой остротой вновь почувствовал, что именно летом я народился на этот свет, и летом же, будь на то моя воля, мне бы хотелось его покинуть. Сойти с подножки последнего вагона поезда, теряющего ход перед крутым и затяжным подъемом, спрыгнуть в неизвестность, как это делают герои Клинта Иствуда, беззаботно улыбнувшись напоследок зрителям, остающимся сидеть в темной прохладе зала кинотеатра.

Все же такая жара случается не так и часто в силу того простого обстоятельства, что Владикавказ расположен у подножья Кавказского хребта и потому, даже самым знойным летом, вечером со стороны гор обычно задувает легкий ветерок, несущий с собой столь желанную прохладу. А если жара стоит круглые сутки, то это происходит оттого, что пекло дает не

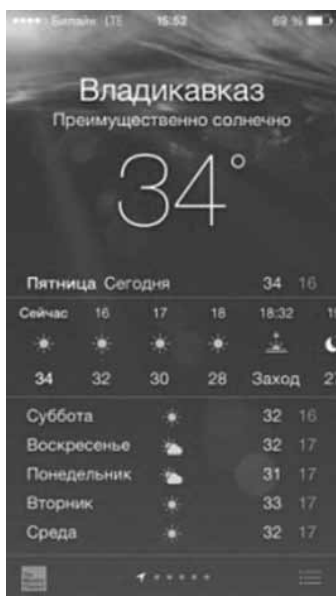
Владикавказ, вид на набережную Терека (Фото К. Фидарова)

солнце, а приходит оно со стороны, из мест достаточно отдаленных, иногда таких, которые даже трудно себе вообразить. В этот раз, если верить синоптикам наслово, жара пришла вместе с раскаленным воздухом, который принес на своих плечах суховей, дующий из пустынь Афганистана. На своем пути он миновал Иранское нагорье и, перевалив через главный Кавказский хребет, достиг северных предгорий, точнее того места, которое занимает наш город, у самого входа в Дарьяльское ущелье, где Терек, вырываясь из объятий теснин, замедляет свой неудержимый бег и отдыхая от утомительной гонки, разливаясь, образует широкую пойму.

Эти духота и зной напоминают всем нам о том, насколько условны установленные людьми государственные границы, которые ветер пустыни минует без каких-либо виз и таможенного контроля, и что страны, на самом деле, гораздо ближе друг к другу, нежели нам это часто представляется. Впервые же эту близость я ощутил не летом в душном городе у подножья гор Кавказа, а в холодной зимней Москве, на древнеперсидском семинаре Василия Ивановича Абаева, в секторе иранских языков Института языкознания, расположенного, как и сейчас, на углу Воздвиженки и Большого Кисловского переулка. Это самый центр столицы, недалеко от Кремля. Там и тогда ему удалось сделать для нас близким то, что было отдалено от нас не только в пространстве на несколько тысяч километров, но и во времени на две с половиной тысячи лет. Посещал я этот семинар в течение трех лет, начиная с 1985 и по 1988 год, то есть без малого тридцать лет тому назад. В нашу группу входили аспиранты, и не только из самого института, но и из Института Востоковедения и МГУ, где я сам, собственно и обучался. Состав не был постоянным, поэтому не со всеми из них я был знаком. Собирались мы раз в неделю по пятницам, этот день недели в институте был неприсутственным, так что самих сотрудников, которым бы мы могли

служить досадной помехой, практически не было. Хотя В.И. Абаев уже давно был на пенсии, из уважения к нему никто не занимал его рабочего стола. Тогда, ему, как и положено ровеснику века, шел восемьдесят шестой год. Мы были его последней группой. Насколько мне известно, после нас он больше уже подобные семинары не проводил.

Этим летом суховей, принесший жар афганской пустыни, воскресил в моей памяти то, что давно казалось уже позабытым, что уже необратимо, как мне думалось, унесли с собой воды реки времени. Однако вопреки ожиданиям этим летом я вновь почувствовал на своем лице душное дыхание того давнего раскаленного ветра, сметающего пыль со ступенек лестницы, ведущей в Ападану, в зал царских приемов, строительство которого начал Дарий I, а завершил Ксеркс. А вместе с образом столицы древней империи Персеполиса я вновь погрузился в то тепло, которым так щедро одаривал нас Василий Иванович Абаев на своем семинаре, я вдруг вновь осознал, что и сегодня оно не иссякло и по-прежнему согревает мне душу. Первоначально это были разрозненные заметки, в которых я вспоминал свои занятия на семинаре Василия Ивановича Абаева. Затем они стали складываться в некую стройную последовательность эпизодов, в некотором роде связную повесть. Я выкладывал их по частям в одной из социальных сетей и, судя по тем живым откликам, которые они вызвали, я утвердился в мысли,

1. Экран телефона с прогнозом погоды. 2. Вид на Большой Кавказ из космического пространства, горная гряда, протянувшаяся между двумя морями, Черным и Каспийским

Парадная лестница Ападаны, Персеполис (современный вид)

что они представляют интерес не только для меня одного. Именно из них впоследствии и сложился этот текст.

Замечу, что вокруг Василия Ивановича уже существует обширная литература. В ней содержатся сведения о его жизненном пути, дается оценка специалистов тем достижениям, которые он совершил в области иранистики и на ниве общего языкознания, его вкладу в осетиноведение. Также существуют книги, в которых авторы делятся впечатлениями от личного общения с ним, воспроизводят содержание бесед, которые им довелось с ним вести. Книги эти, безусловно, информативные и познавательные, написанные людьми сведущими и авторитетными. В связи с чем возникает вопрос о том, а стоит ли вообще вновь браться за эту тему. Несмотря ни на что, думаю, что все-таки стоит. Я ведь описываю очень специфическую сторону его научной деятельности — преподавание. Сторону, скрытую от глаз стороннего наблюдателя, незаметную и, во многом, эфемерную, трудноловимую. Судить же о ней может лишь узкий круг лиц, принимавших непосредственное участие в самом учебном процессе. Все же ни один из них, по моим сведениям, не собирается делиться своими впечатлениями: кто в силу своей занятости, а кого жизнь вывела совершенно на другие орбиты, откуда описываемые мною события уже не кажутся сколько-нибудь значимыми. Мною же двигало несомненное убеждение в непреходящей ценности этих воспоминаний, что с неизбежностью предполагало их сведение в отдельной статье.

Ни для кого не является секретом то, что на древнеперсидском языке уже давно никто не говорит, а его памятники — немногочисленны и во многом однообразны. И все же, учиться этому языку стоит. Хотя бы потому, что нашим наставником будет Василий Иванович Абаев, романтик и гуманист, ровесник века, прошедший через все его потрясения, сохранивший при этом веру в добро и справедливость. Расскажу о некоторых из тех уроков, которые мне удалось усвоить самому. Эти уроки без нажима сложились в какое-то подобие курса. Однако не в том смысле, который вложили в это название ученики Фердинанда де Соссюра, когда опубликовали после смерти учителя записи его лекций по общей лингвистике и обессмертили его имя. Мои записи сугубо субъективные, они отражают мое личное восприятие того, что происходило на нашем семинаре и вокруг него, и что удержала моя память по прошествии всех этих долгих лет. Самые яркие эпизоды всплывают сами собой, без какого-либо усилия.

К тому же, нынешний год — юбилейный, В.И. Абаеву исполнилось бы 120 лет. Так, по крайней мере, следует из его официальной биографии, в которой он сам отметил, что родился 15 декабря 1900 года в осетинском высокогорном селении Коб. Замечу, что не все разделяют подобную датировку, приводя свои аргументы, полагая, что юбилей следовало отмечать годом ранее. Дело в том, что сам Василий Иванович не раз прилюдно говорил, что успел пожить еще и в XIX веке. Я знаю людей, готовых это засвидетельствовать и твердо стоящих на своем. Как же быть, откуда это разночтение, выходит, что он противоречил сам себе? А секрет этого кажущегося разночтения в том, что 1900-ый год, когда он, по-видимому, действительно появился на свет, согласно принятой системе летоисчисления, еще относится к веку предыдущему. Тем самым, у него были все основания говорить именно так, как он говорил. Стало быть, нынешний год, вне каких бы то ни было сомнений, — юбилейный, а приведенное мною недоразумение является лишь поводом, чтобы лишний раз испытать чувство гордости за нашего знаменитого земляка. Помимо прочих свершений, его судьба оказывается уникальна еще и тем, что одной своей человеческой жизнью он невольно свел вместе сразу три столетия. Хороший повод освежить в памяти то, что еще не унесли с собой воды реки времени.

Тетрадь с конспектами

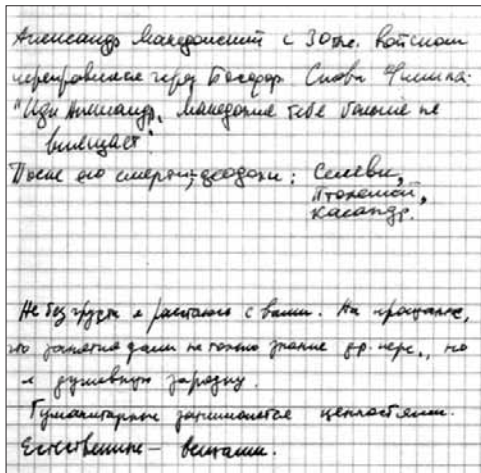
Этим летом, перебирая свой архив, я нашел в числе прочих бумаг свою старую общую тетрадь с записями конспектов, которые делал в конце прошлого века в Москве, когда я посещал семинар древнеперсидского

языка Василия Ивановича Абаева. Вместе с другими слушателями этого семинара я разбирал тексты, оставшиеся после краха империи Ахеменидов, которая в IV веке до н.э. была завоевана Александром Македонским. Больше всего впечатляет последняя запись, даже несмотря на содержащиеся в ней орфографические ошибки. Это был конец мая 1988 года. Теперь я отчетливо осознаю, что это — напутственная речь, своего рода отеческое наставление, трогательное своей искренностью и теплотой. Сначала, слова отца Александра Македонского, Филиппа: «Ступай, Македония тебя уже больше не вмещает!». А затем, последовало признание самого Василия Ивановича: «Расстаюсь с Вами не без грусти. На прощание хочу выразить надежду, что наши занятия дали не только знание древнеперсидского языка, но и стали для Вас душевной зарядкой, способствовали укреплению бодрости Вашего духа!». Затем он напомнил, что «гуманитарные науки занимаются ценностями, а естественные — вещами». Вечный спор физиков и лириков с явной симпатией к гуманитариям. И все же эта фраза мне представляется ключевой, судьбоносной. Ее смысл в том, что гуманитарные науки ориентированы не на предметы и явления, а на человека.

Доказывать, что изучение древнеперсидского языка — занятие, лишённое какого-либо утилитарного смысла, значит ломиться в открытую дверь. Однако Гете, как известно, говорил, что он ценит искусство именно в силу свойственной ему бесполезности. Голый расчет с неизбежностью ведет к расчеловечиванию. Для меня самого посещение этих занятий тоже не имело никакой практической пользы, поскольку я тогда был аспирантом кафедры германской филологии МГУ. Он, конечно, расспросил меня об этом и был слегка озадачен услышанным. Он даже спросил, не собираюсь ли я заниматься сопоставлением осетинского и английского языков. Было очевидно, что он бы этого не приветствовал. Я ответил отрицательно, что его успокоило. Я объяснил, что учусь в аспирантуре у видного германиста Ольги Александровны Смирницкой, на что он мне заметил, что был хорошо знаком с ее отцом, который тоже когда-то работал в Институте языкознания.

Институт языкознания, Москва

Страница из моего конспекта.

В.И. Абаев в своем домашнем кабинете

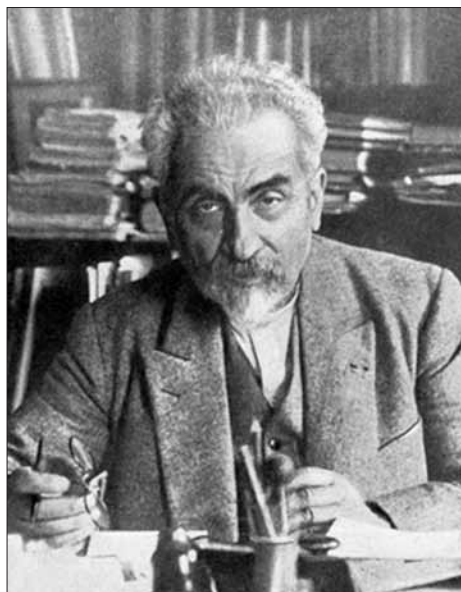
Некоторое время он молчал, размышляя, а затем ответил, что к нему на семинар приходят самые разные слушатели, что в прошлом году к нему даже ходил какой-то военный. С этим «военным» меня позднее жизнь еще сведет. Это был Юрий Дзищойты, выпускник филологического факультета Юго-Осетинского пединститута, исследователь осетинского языка и фольклора, которому пришлось, как тогда было принято, после окончания вуза служить год в армии. Судьбе было угодно, чтобы его направили на службу в Подмосковье. Руководство же части, в которой он оказался, пошло ему навстречу и позволило раз в неделю отлучаться в столицу, чтобы посещать занятия Василия Ивановича.

Однако сам состав был настолько неоднородным, что в нем без труда нашлось место и мне. Были в числе слушателей и историки, и лингвисты, а один даже как оказалось позже, был географом. При этом далеко не все были иранистами. К иранистам можно по праву отнести Аллу Лушникову, которая была аспиранткой Василия Ивановича и впоследствии взяла на себя необычайно кропотливый труд по составлению указателя к его знаменитому четырехтомному «Историко-этимологическому словарю осетинского языка». Аскольд Иванчик был специалистом по истории древней Греции, Лиза Циноева была начинающим египтологом, Сергей Кулланда — санскритологом, Ирина Аржанцева — археологом, Дмитрий Сергеевич Раевский, который тоже входил в число слушателей семинара, был известным скифологом и т. д. Были и редкие гости, в их числе Олег Мудрак, специалист в области алтайских и палеоазиатских языков. О некоторых из них я еще расскажу.

Самозванный ихтиолог

Я и сам до сих пор до конца не понимаю, что собственно меня привело на этот семинар. Имя Василия Ивановича, конечно же, было на слуху, но одного этого, вряд ли, бы стало достаточно. Скорее всего, решающую роль сыграла встреча, устроенная весной 1985 года в Северо-осетинском университете, где я тогда работал ассистентом кафедры английского языка. Я сам имел возможность присутствовать на ней. Общая атмосфера была достаточно торжественная. Какой-то фотограф непрестанно делал снимки выступающего, что по тем временам еще было большой редкостью. Тем самым, у всех присутствующих создавалось ощущение бесспорной значимости текущего момента. Василий Иванович говорил об общих задачах, стоящих перед осетиноведением. В том числе он сказал, что «работы еще непечатый край», что он от своего имени призывает молодые силы принять участие в этом совместном благородном труде, но при этом предостерег от шапкозакидательских настроений. Он подчеркнул, что прежде следует надлежащим образом учиться и лишь затем уже с энтузиазмом, засучив рукава, приниматься за дело.

В назидание он привел историю, случившуюся с его учителем, Николаем Яковлевичем Марром. Вскоре после революции к нему, известному тогда ученому, пришел в Петрограде кто-то из земляков и попросил зачислить его

Николай Яковлевич Марр

В.И. Абаев в один из своих приездов
во Владикавказ

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

в штат сотрудников возглавляемого академиком Института языка и мышления. Замечу, что Николай Яковлевич происходил из Кутаиси. «А по какому, собственно, разряду», — поинтересовался Николай Яковлевич. «По кавказскому», — смело ответил ему соискатель. «А какие кавказские языки Вы знаете?» — поинтересовался тот. «А знаете ли Вы историческую фонетику и сравнительную грамматику этих

языков?» — не унимался пожилой ученый, сохранивший юношеский пыл. «А знаете ли Вы древние языки?» — наконец, спросил он, вероятно, тем же строгим тоном. «Нет, ничего этого я не знаю», последовал ответ, — «Зато, я знаю грузинский!». Так им был пущен в ход аргумент, до тех пор сберегавшийся про запас и казавшийся неотразимым. На что Марр, тоже не утративший присутствия духа и чувства юмора, подытожил: «Ну, это, молодой человек, все равно, что если бы рыба заявила, что она ихтиолог!».

Вера в собственные силы, конечно, необходима. Без нее человек беспомощен в бурном потоке жизни. Однако перед тем как задавать вопросы академику и настойчиво предлагать себя ему в сотрудники, следует все-таки трезво взвесить собственную компетентность и выучку. А иначе можно в одночасье пополнить и без того нередкие ряды самозваных «ихтиологов». Да, знания необходимы. Но еще большее впечатление произвела на меня готовность, шутя, говорить о серьезных вещах. В общем, осталось чувство какой-то радости общения, человечности, обаяние значительной личности. Теперь мне кажется, что именно эта встреча предопределила ход моих дальнейших действий, эта встреча и привела меня к нему на семинар. Было чувство подлинности, отсутствие позы и искренность. Может это и есть то главное, что мы превыше всего остального ценим в других людях и пытаемся уберечь в самих себе?

Наше черно-белое прошлое

Современные технические возможности продолжают меня по-хорошему удивлять. Сохранилась хроника, которая позволяет дополнить мой рассказ изобразительным рядом. Во время наших занятий о Василии

Ивановиче начали снимать документальный фильм, кадры из которого мне удалось обнаружить в сети. Обычно, перед началом занятий, я встречал Василия Ивановича у подъезда института и помогал подниматься ему на второй этаж, где находился сектор иранских языков. На первой фотографии я стою у входа в институт, капюшон наброшен на голову — зима, холодно. Подъезжает такси. На второй — сам Василий Иванович выходит из машины и следует в Институт. На третьей — идет занятие. Себя самого я разглядел слева от Василия Ивановича, сижу, подперев голову рукой. По правую руку от него — Аскольд Иванчик, тогда аспирант Института Востоковедения, сегодня известный во всем мире антиковед. Других узнать не могу. Среди слушателей были Зарина Туаева и Лиза Циноева, Ирина Аржанцева и Сергей Кулланда, Зелим Цховребов и Юрий Дзищойты, Вячеслав Чирикба и другие, чьи имена моя память не удержала.

Но это происходило уже после того, как наши занятия шли полным ходом. Однако прежде мне пришлось приложить немало сил, что узнать о том, где, когда и, самое главное, как можно на них записаться. После долгих поисков я, наконец, выяснил, что занятия происходят в Институте Языкознания. Он находился в самом центре Москвы, недалеко от Библиотеки имени Ленина, непосредственно рядом с известным всем москвичам Военторгом, зданием весьма примечательным, выполненным в стиле модерн. Несколько лет тому назад, находясь в Москве проездом, я нарочно подошел к Институту, уверенный, что смогу вновь окунуться в былую атмосферу. Напрасные ожидания.

Обычно он крепко держал меня за руку чуть повыше локтя. Так мы сначала заходили в вестибюль. Слева находился гардероб, куда Василий

1. Такси. 2. В.И. Абаев направляется в институт

Сектор иранских языков

Иванович неспешно следовал. Иногда гардеробщик в синем рабочем халате выходил нам навстречу, выказывая свое уважение. Чаще же я сам помогал ему снять тяжелую горскую шубу из овчины, называемую по-осетински *каерц*. Он благодарил меня традиционным благопожеланием «Бирæ цæр! / Живи долго!». Иногда он интересовался тем, как идут мои дела. О себе же говорил, что когда его самого спрашивают, как он себя чувствует, то он обычно отвечает известным оборотом «Саг-дзæбидыры хуызæн! / Как горный тур!». Оборот — редкий в современном обиходе, но служащий прекрасным образным олицетворением той самой бодрости духа, о которой я уже упоминал.

Другой подобный эпизод случился ранней московской весной. Для тех, у кого нет опыта московских зим, поясню. Зима приходит в Москву в конце октября и тянется до конца апреля. Обычно низкое серое небо, затянутое облаками, долго остается хмурым. Но даже в те редкие моменты, когда выглядывает солнце, тепло его лучей не достигает земли. Для жителей Юга привыкнуть к этому довольно непросто. И вот как-то ранней московской весной, перед началом наших обычных занятий Василий Иванович находился в приподнятом настроении. В тот день как раз выглянуло то редкое, но позимнему холодное солнце. Василий Иванович начал занятие с заявления о том, что в связи с весенней погодой ему на память приходят строки известного пролетарского поэта Демьяна Бедного. И процитировал четверостишие:

Ах, весенняя погодка,
До чего ж ты хороша,
Как легка моя походка,
Как поет моя душа.

Фраза о «легкой походке» звучала по-особому, когда ее произносил человек, опиравшийся на трость и едва ли способный передвигаться даже

на небольшие расстояния без посторонней помощи. Нельзя было не удивляться этому жизнелюбию и готовности радоваться любым подаркам судьбы, пусть даже и таким смехотворным. Кстати о стихах. Супруга Василия Ивановича, Ксения Григорьевна, рассказывала, что как-то к ним в гости заходил Ладислав Згуста. Этот крупнейший лексикограф прошлого века, имя которого хорошо известно специалистам, находился тогда в Москве в рабочей поездке. Во время беседы у них возник спор о том, кто из них знает наизусть больше стихов латинских авторов. Поскольку оба имели классическое образование, то они устроили соревнование так, что каждый из них по очереди должен был прочитать по памяти отрывок одного из античных поэтов: Горация, Овидия и т.д. Особую остроту данному состязанию придает то, что речь идет о латинских поэтах, которых они оба — уже достаточно пожилые люди — изучали на заре своей юности. Другая порода людей, готовых работать над собой и не пасующих перед трудностями. Интерес к личности В.И. Абаева вызван, в том числе, и его долголетием. Одного этого вполне достаточно, чтобы быть причисленным к незаурядным личностям. Каждому хочется знать, каким образом человеку удастся прожить больше ста лет. Думаю, что в основе — жизнелюбие, непобедимое и независимое от внешних обстоятельств.

Гостинцы

Теперь я понимаю, что он мне сильно напоминал моего деда. При всех бесспорных отличиях, в нем все же было много общего с моим дедом по отцовской линии — Дахцико. Он не имел никакого серьезного образования, насколько я знаю, окончил лишь бухгалтерские курсы. Однако он был прекрасным знатоком традиции, будет даже точнее сказать, ее носителем. Он родился и вырос в известном осетинском селении Эльхотово еще в позапрошлом веке и по годам был старше Василия Ивановича. Вихри коллективизации вынудили его покинуть насиженные места, с которыми он расставался очень неохотно. Но под давлением обстоятельств, после ссылки в Архангельскую область на лесоповал, а затем уже второй волны раскулачивания, он был вынужден отказаться от привычного сельского уклада, и стал городским жителем. Но и в городе он поселился на самой окраине, так чтобы оставалась возможность держать корову, спасающую всю семью в суровые голодные годы. Последние годы он жил в районе построенной в послевоенный период Дзауджикауской ГЭС, в строительстве которой, согласно семейным воспоминаниям он также принимал непосредственное участие. Отсюда, из-под раскидистого ореха, посаженного им собственноручно перед домом теплым летним днем 1982 года, после небольшой панихиды его

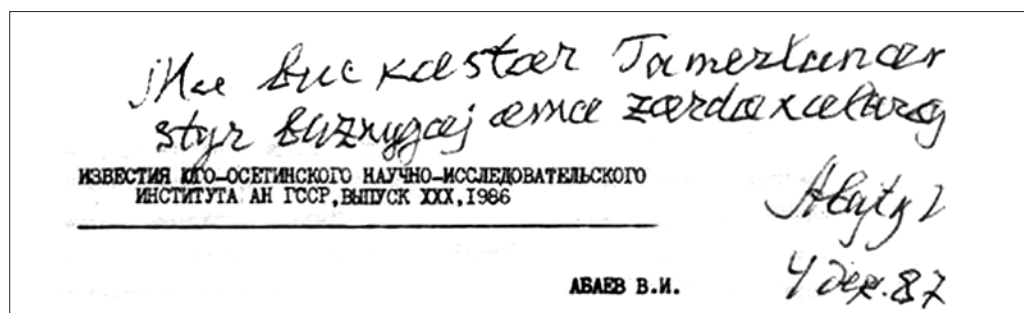
Мой дед Дахцико

проводили в последний путь. Я до сих пор помню этот характерный маслянистый ореховый дух, отпугивающий мух и слегка дурманящий всякого, кто засиживается в его тени. Так еще пахнут незрелые зеленые орехи, а от соприкосновения с их корой пальцы становились черноватого цвета, еще долго хранившего память об этом. Дом стоял на краю обрыва. За домом был разбит сад, и осенью в сарае стоял густой запах темного винограда сорта «Изабелла» и айвы. Из винограда делали домашнее вино, в которое приходилось добавлять сахар, а из айвы варили варенье, в котором она превращалась в потрясающие темно-янтарные дольки, прозрачные и упругие. А с обрыва открывался прекрасный вид на долину Терека, Дарьяльское ущелье и гору Казбек.

Однако он стал слегка дальновозорким, и, как сам рассказывал, у него оказалась, столь знакомая мне, целая груда бесполезных теперь для него очков. И хотя при

жизни они никогда не встречались, после смерти судьба все же свела их вместе. Улица имени 1905-го года, на которой последние годы своей жизни прожил мой дед, была после смерти Василия Ивановича переименована в улицу Васо Абаева.

Поскольку дед был весьма искушен в осетинской обрядности, красноречив и обходителен, вся округа приглашала его на роль старшего. В последние же годы он практически потерял зрение и потому, когда к нему поступало подобное приглашение, мне отводилась роль провожатого. Он

Статья Василия Ивановича с дарственной надписью

также крепко держал меня за руку чуть повыше локтя, пока я вел его к воротам дома, где намечалось общественное празднество. Там к нему уже выходил кто-нибудь из хозяев, и он меня обычно отпускал. Вечером же он приносил мне в кармане какое-нибудь лакомство: конфету, грушу или яблоко, успевавшие по дороге заметно нагреться. И хотя он был сурового нрава, после веселья и возлияний он смягчался и произносил тогда слова, для него нехарактерные: «Ай та дауаһн, ма хуры чысыл! / А это тебе, мое солнышко!». Я брал его гостинец, чувствуя рукой его тепло, а бабушка тем временем снимала с него сапоги, помогала раздеться и укладывала в постель.

Была еще одна деталь, которая связывала его с Василием Ивановичем. Когда его зрение стало ухудшаться, он был вынужден завести себе очки. С годами, ему требовались все более толстые линзы, пока, к несчастью, он совсем не ослеп. Помню его разговоры о том, что у него очки +11. Эти линзы напоминали окуляр от подзорной трубы. Я тайком брал их, что выжигать с их помощью по дереву, настолько сильно они фокусировали солнечный свет. Во второй половине 80-х в СССР стали делать операции на глазном хрусталике. В результате и Василий Иванович, который всю жизнь страдал близорукостью, после успешного хирургического вмешательства поправил свое зрение.

Первое занятие

Прочитав последнюю запись в своей тетради с конспектами, я решил посмотреть, а с чего же, собственно, начинались наши занятия. Первая запись помечена мною концом марта 1986 года. Она содержит сведения общего характера, служащие своего рода историко-филологическим введением в курс древнеперсидского языка. Привожу содержание этой заметки, которое может быть полезно всякому, кто собирается и дальше читать эту книгу, в тезисной форме.

«Персидская держава возникла в середине VI века до нашей эры. Необходимо принимать в расчет и связь с природными условиями, географической средой: Междуречье, Месопотамия. К тому времени там уже были государственные образования, созданные народами семитской группы: Вавилон, Ассирия, Иудея. Присутствовали там и протохатты, в этнолингвистическом отношении родственные кавказцам. Первые индоевропейцы — хетты — появились в этих местах в период с XII до VIII вв. до н.э. Следом за ними пришли другие индоевропейцы, иранцы, а именно, мидийцы и персы. Иранцы мигрировали через Кавказский хребет приблизительно около IX в. до н.э. Персидское государство возвышается на фоне рабовладельческих

обществ Мидии, Вавилона, Лидии и Египта. Оно тоже знало рабство, но здесь оно носило патриархальный характер, в рабов обращали пленных. Успех молодого народа объясняется тем, что все его представители были воинами, поскольку еще в середине VI вв. до н.э. Персия сохраняла черты родоплеменной организации.

Возвышение Персии связано с именем Кира Великого. Существует несколько версий его феерического взлета. Согласно Геродоту, Мидийский царь Астиаг выдал свою дочь за царя персов, своего вассала. Отцу молодой женщины — Астиагу — предсказали, что у его дочери родится ребенок, который покорит Азию (сон о дереве, растущем из ее лона). Обеспокоенный этим пророчеством, он приказывает отнести новорожденного младенца на погибель в пустыню, но слуги царя пожалели младенца и у пастухов обменяли его на мертвого ребенка. Мальчик остался в пустыне, где его воспитала женщина по имени Спака. Это имя, производное от иранского корня *spaka*- со значением 'собака', отражает тотемические представления о происхождении от животных, позднее же легенда была подвергнута рационализации, то есть переосмыслению в духе более разумном. В 530 году до н.э. Кир поднял восстание и стал царем, после чего начал свои планомерные завоевания. Первой ему покорилась Мидия, где правил Крез. К 539 году он покорил все провинции кроме Вавилона, который присоединил без особого труда. Признал превосходство его цивилизации. Непокоренным оставался Египет, но прежде направился в поход против массагетов, перешел Сырдарь. Персидское войско заманили вглубь степей и разгромили. Сам Кир погиб.

Некоторые события, связанные с деятельностью Кира нашли отражение в Библии (Исайя, 40), где Кир упоминается под именем Кореша в связи с плачем на реках Вавилонских. Евреи (иудеи) находятся в плену, а Кир

1. Образец клинописи. 2. Накш-и-Рустем. Ахурамазда вручает символ царской власти

позволяет им вернуться на родину. Его имя становится нарицательным и служит для обозначения доброго царя, доброго человека. Отсюда русское просторечное слово *кореш*. После гибели Кира царем становится его сын, Камбиз, который покоряет Египет. В это время в Персии убивают другого сына Бардию. Клинопись, благодаря которой нам известен древнеперсидский язык, была введена позднее, при Дарии. Надписи высекались в скалах на трех языках: эламском, аккадском и древнеперсидском».

Таким образом, было положено начало корпусу текстов, чтение которых мы начали на наших следующих занятиях. Читали мы их не в клинописи, а в латинской транскрипции, достаточно надежно передающей оригинал и вполне достаточной для наших целей общего предварительного знакомства с языком. Сами надписи представляют не только лингвистический интерес, как дающие представление об определенном периоде развития персидского языка, но также и с точки зрения содержащейся в них информации и иного характера, как то: социально-исторического, религиозного, географического и пр.

Известно, что любой язык, обладая целым рядом функций, в первую очередь обеспечивает коммуникативную. Но если мы не можем заговорить с персами эпохи древности, то это не мешает им говорить с нами на своем столь благозвучном языке.

День рождения

Была середина декабря, и мы решили отметить день рождения Василия Ивановича. Речь не шла о пышном чествовании. Мы хотели всего лишь использовать эту возможность, чтобы выразить нашу признательность и засвидетельствовать свое почтение патриарху отечественной иранистики. Решили, что после занятий откроем бутылку шампанского и коробку конфет. Каково же было наше удивление, когда в ответ на нашу просьбу таким образом отметить эту знаменательную дату, Василий Иванович ответил, что на самом деле он толком и не знает, когда собственно родился. Да и сам вопрос о дне его рождения возник впервые в его жизни лишь когда его принимали в гимназию. Действительно, этот день никогда не отмечался в традиционной культуре и это было обычным делом для людей начала прошлого века. Однако в тех случаях, когда дата рождения требовалась для каких-либо канцелярских целей, ее определяли во многом произвольно. Так и в случае с Василием Ивановичем, ему самому пришлось определять, когда следует ставить на стол торт и задувать свечи.

Схожую историю, но гораздо позже рассказал мне о себе светлой памяти Солтанбек Михайлович Караев, бывший выпускник Института стран

Патриархальная семья Кокаевых (*Кокайтæ*). Фотография начала прошлого века

Азии и Африки, преподаватель персидского языка, сделавший так много, чтобы на языке Фирдоуси заговорили и в Осетии. Он родился еще до Великой Отечественной войны в горном селении Хохы Карца. Вопрос о дне рождения встал для него, когда он был уже юношей. Единственный ответ на этот вопрос, который ему удалось получить, состоял в том, что он родился во время второй прополки («дыккаг рувæнты»). В горах это время совпадало, если не ошибаюсь, с концом июня. Так и было записано во всех его документах.

Подобное равнодушие к празднованию дня рождения в традиции не случайно. Оно, если и отмечается, то как праздник сугубо женский, в центре которого находится не столько младенец, сколько его мать. Для младенца же устраивают обряд «авдæнбæттæн / укладывание в колыбель», то есть первое приобщение к миру человеческой культуры. Затем будет наречение именем, а потом ему дадут возможность выбрать будущее призвание, а позднее, мальчик со стрелой отправится просить покровительства особого святого.

Выходит, что привычные нам правила не даны испокон века. Они условны и приходящи. А может быть и не всегда предпочтительны. Поэтому осетинам прежде приходилось обходиться без гороскопов, просто никто не знал какой он знак по задиаку.

Родное село

Наши занятия начались лишь зимой 1986 года. Только тогда удалось сформировать полноценную группу и приступить непосредственно к чтению древнеперсидских текстов. По ходу Василия Иванович давал свои комментарии. При этом, как бы между делом, он старался познакомиться с каждым из нас, задавал вопросы. Главное, что его интересовало, заключалось в том, что нас привело на его семинар. Он несколько раз повторял, что если хотя бы у одного из его слушателей бывают безразличные глаза, то он практически не может вести занятие. Должен быть живой интерес, сопереживание, радость от узнаваемого. Меня он тоже так деликатно расспросил о том, что меня привело к нему. Но первым делом, спросил из каких я Салбиевых.

Когда ему стала известна моя фамилия, он спросил не являюсь ли я его земляком, поскольку там, действительно, проживает много Салбиевых. А затем он рассказал о том, что непосредственно после окончания Тифлисской гимназии, ему сразу не удалось продолжить учебу, так как шла гражданская война и возможности передвижения по стране тогда не было. В результате два или три года, не помню точно, он проработал учителем в кобинской начальной школе, в которой, в свое время, и сам учился. Тогда одним из его учеников и был мальчик Салбиевых. Оказалось, что незадолго до этого, он побывал на своей малой родине, и среди тех односельчан, кто пришел его приветствовать, оказался и этот его бывший ученик. Тут Василий Иванович взял паузу, как он это делал часто, пытаюсь что-то про себя обдумать. Затем он добавил, что его поразило насколько тот успел состариться за прошедшие с той поры годы. Хотя и существует мнение, что горы способствуют долголетию, в общем, жизнь там достаточно сурова: короткое лето, холодная, снежная зима.

Позволю себе небольшое пояснение. Установлено, что Салбиевы, как и многие из осетинских фамилий, могут быть возведены к Алагирскому обществу. Обычно их выводят из селения Мизур, как ответвление фамилии Бутаевых, из колена Цахиловых, потомков легендарного предка Осетин Ос-Багатара. Оттуда они, судя по всему, отправились сначала в Турсовское общество, так они попали в Коб, а затем уже расселились в равнинных селах: в Эльхотово, Ольгинском, Хумалаге. Замечу, что часть ушла на Юг Осетии, где они в Чесанском обществе основали родовое село, которому дали свое имя, Салбиар.

Однако из Турсовского общества происходила моя материнская родня, Туаевы. Когда Василий Иванович произносил какие-то фразы по-осетински, я узнавал в них хорошо мне знакомый говор. Дело в том, что

Мост на Военно-грузинской дороге рядом с селением Коби, ведущий в сторону Крестового перевала

для выходцев из этой исторической области Осетии, характерно так называемое цоканье. Там, где прочие осетины обычно произносят спирант -с, в этом говоре звучит аффриката -ц. Так они произносятся, например, вопросительное наречие: «Цæмæн? / Зачем, отчего?»

Родное селение Василия Ивановича, Коб, расположено на значительной высоте у подножья Казбека, недалеко от Крестового перевала, ведущего в Закавказье. Стоит ли удивляться, что бывший ученик показался Василию Ивановичу

чужаку, которому и самому было уже за восемьдесят, глубоким стариком. Обсуждая этот эпизод с Гайрбегом Салбиевым, выходцем из этого селения, мне удалось выяснить, что этим стариком был, скорее всего, брат его деда, по имени Беки, который по возрасту вполне подходил на роль его ученика и, действительно, прожил очень непростую жизнь. От него же я узнал, что Абаевы жили несколько особняком от основной части села, на повороте, отчего это место по-осетински так и называли — Фæзилæн.

В другой раз он рассказал, что желая как-то скоротать вынужденное безделье, он пытался там кататься на лыжах. И это не ускользнуло от пытливого взора его односельчан. В итоге они стали высказывать опасения относительно его душевного здоровья. Поскольку в Коби был целый квартал Абаевых, то для большей ясности его называли не по фамилии, а по имени деда, как это часто делают в Осетии. Горцы, занятые повседневными заботами, видели в его катании не только баловство, но и усматривали умственное расстройство. Они говорили, с его собственными словами: «Балаты лæппу сырра и! / Парень Балаевых тронулся рассудком!».

Случались и другие забавные происшествия. Он рассказал, что ездил во Владикавказ на велосипеде. Дорогу, объяснил он, посыпали щебнем, который утрамбовывался под колесами проезжающих экипажей, так что в итоге, сверху она была покрыта достаточно плотным и ровным слоем. Женщины из грузинских сел, через которые он проезжал, не скрывали своего удивления при виде велосипедиста. Обычно, разводя от удивления

руками, они говорили ему вслед: «И чего только не придумает русский царь!». Кажется, что эта реплика списана у какого-то из персонажей фильмов Данелия.

В связи с Данелия я всегда вспоминаю «Мимино». Встреча традиции и технического прогресса, что выбрать, родную глушь или трансатлантические перелеты. Теперь уже очевидно, что задача состоит в том, чтобы обрести мир, не теряя связь с почвой, не обрубая корней. Более того, только так, собственно, и получится занять достойное место в мире, в общечеловеческой семье.

Ученики

История сохранила фотографию Василия Ивановича, на которой он запечатлен со слушателями своего семинара у парадного входа в Институт языкознания. Однако на крыльце не наша группа, а предшественники. Думаю, что это весна 1985 года. Мы же начали заниматься в этом же году, но зимой. За его спиной — безвременно ушедший Виталий Гусалов, преданный ученик Василия Ивановича, много сделавший для издания его трудов. На фотографии он стоит от него за левым плечом. Он недолго оставался в Москве и вернулся домой в Осетию, где позднее мы вместе работали в Научно-исследовательском институте.

Тогда он рассказывал, что когда поступил в аспирантуру, то попросил своего шефа дать ему тему диссертации, на что тот ответил словами, часто повторяемыми в околонаучных кругах: «Если бы у меня была тема, я бы сам ее написал!». Эта фраза во многом характеризует отношения Василия Ивановича со своими учениками. Смысл этих отношений заключается не в руководстве, а в сотрудничестве, в сотворчестве. Каждому надлежит пройти часть своего пути. Не ученичество, а творческий поиск, не иждивенчество, а научная состоятельность, не конвейер, а штучное производство.

Замечу, что выбор темы диссертации был для аспиранта судьбоносным. Он определял, в конечном счете, его научную состоятельность. В итоге, Виталий Михайлович исследовал тему «Вербальное табуирование в осетинском языке». Упрощенно говоря, речь идет о существующих в культуре запретах и о том, как они обходятся в речевой этикете, языке. Она оказалась для него неподъемной. Он так и не защитил диссертацию и умер, не обретя столь искомую им степень кандидата наук. Однако история сохранила его имя, как верного и преданного ученика Василия Ивановича. Он стал редактором двух первых томов «Избранных трудов» своего наставника. Два других, предполагавшихся к выходу, так пока и не увидели свет.

Те, кого могу узнать (слева направо): Лиза Циноева, Алла Лушникова, Зоя Александровна Битарти, Василий Иванович, Виталий Гусалов

темы ему настоятельно предлагалось заняться изучением того, как интернациональная общественно-политическая лексика передается в периодической печати Южной Осетии. Тема сколь конъюнктурная по характеру, столь и примитивная по сути. И теперь лишь непосредственное вмешательство Василия Ивановича позволило аспиранту избежать навязываемой ему малозначительной и бесперспективной темы. Так я понял, насколько Василий Иванович ценил не личную преданность, а личностное начало в человеке. Тогда одного его слова было достаточно, чтобы не опускать научную планку.

«Правда, добро, красота»

На втором этаже, направо от парадной лестницы находился конференц-зал. Всякий раз по пути в сектор мы проходили мимо него. И вот как-то раз в 1988 году в Институте языкознания устроили с Василием Ивановичем отдельную встречу. Это было такое время перестройки, когда уже практически не оставалось запретных тем, и можно было свободно делиться своими воспоминаниями. В числе прочего он рассказал о своем увлечении поэзией Николая Гумилева и прочитал наизусть одно из его стихотворений, произведшее на него в юности сильное впечатление.

На далёкой звезде Венере
Солнце пламенной и золотистой,
На Венере, ах, на Венере
У деревьев синие листья.

Поэт Николай Гумилев

В.И. Абаев

Всюду вольные звонкие воды,
Реки, гейзеры, водопады
Распевают в полдень песнь свободы,
Ночью пламенеют, как лампы.

На Венере, ах, на Венере
Нет слов обидных или властных,
Говорят ангелы на Венере
Языком из одних только гласных.

Если скажут «ea» и «ai» —
Это радостное обещанье,
«Уо», «ao» — о древнем рае
Золотое воспоминанье.

На Венере, ах, на Венере
Нет смерти терпкой и душной,
Если умирают на Венере —
Превращаются в пар воздушный.

И блуждают золотые дымы
В синих, синих вечерних куцах,
Иль, как радостные пилигримы,
Навещают ещё живущих.

Легко понять, почему именно оно произвело такое впечатление на студента иранского разряда Восточного факультета Петроградского университета. В его основе явление, называемое в лингвистике звуковым символизмом. «... «ea» и «ai» — это радостное обещанье, «uo», «ao» — о древнем рае Золотое воспоминанье». Оно, конечно, глубоко субъективно и не поддается убедительной проверке, но в нем, безусловно, присутствуют яркие поэтические образы. На память, конечно, приходит и «Цветной сонет» Артюра Рембо.

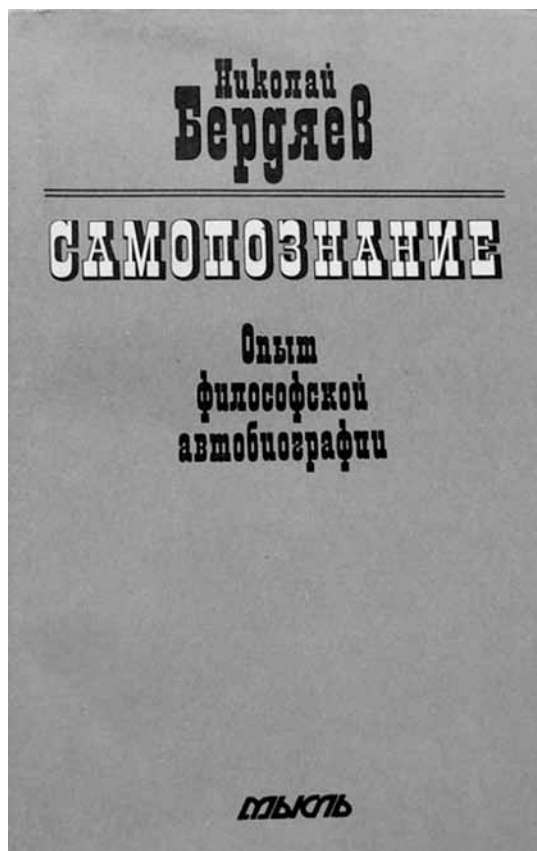
Тогда мне казалось, что выбор стихотворения во многом произволен. Но теперь по прошествии почти трех десятков лет я думаю иначе. Этот выбор не был случаен. Это стихотворение объясняет, за что был расстрелян Гумилев. Не за участие в белогвардейском заговоре, а за аполитичность, за мечты о вечной жизни, за благодушие. Ведь главные темы стихотворения — воля, свобода, радость жизни, отсутствие горечи обид и, наконец, обретенное бессмертие. Эти идеи вполне созвучны тем жизненным принципам, которым, по собственному признанию Василия Ивановича, он сам пытался неукоснительно следовать: «Правда. Добро. Красота». Похоже, что ему это во многом удалось. В том числе, удалось и избежать расстрела.

Позднее я заметил невольную перекличку этих принципов с так называемой Зороастрийской триадой, выдвигающей в качестве трех основных моральных принципов «добрую мысль, доброе слово и доброе дело». Воистину, все главное людьми уже давно придумано!

«Нахватались вольнодумства»

Во второй половине 80-х стала доступна литература, прежде находившаяся под запретом. Одним из способов приобщения к ней стал самиздат, когда энтузиасты на печатной машинке под копирку перепечатывали ту или иную книгу. Тираж обычно был кратен шести, поскольку именно столько копий можно было сделать за одну вкладку. Так появилась самиздатовская версия книги Бердяева «Самопознание». Каким-то образом она попала сначала к Гусалову, аспиранту Василия Ивановича, а затем уже и к нему самому. Возвращая ее, он заметил, что она должна «по-праву стать жемчужиной его библиотеки». Затем эта копия вместе с Гусаловым оказалась во Владикавказе и пошла по рукам.

Я не случайно упомянул «Самопознание» Бердяева. Он пишет в предисловии, что для философа он сам является объектом познания. Могу, в полной мере, отнести это и на собственный счет. Хотя я не философ, но у меня есть это ощущение некоей данности себя самого, предопределенности и заданности судьбы.

Одна из публикаций книги «Самопознание»

Николай Александрович Бердяев

Эта история получила неожиданное продолжение. Дело в том, что в нашей школьной команде по волейболу был Сергей Крохин, который был старше меня на три года и потому ни при каких других обстоятельствах судьба бы меня с ним не свела. Тогда уже он был музыкантом, профессионально играл на гитаре и пел. Внешне он выглядел как русский былинный богатырь, высокого роста, прекрасно сложенный, русоволосый и голубоглазый. Уже в зрелые годы, когда мы с ним оказались в гостеприимном доме Алана Гагагова, он рассказал мне историю своего деда. Его дед, известная в республике личность, был первым ректором Горно-металлургического института. В быту он был необычайно скромен и непритязателен. Он происходил из сибирской старообрядческой семьи. Он был тринадцатым ребенком и ему приходилось самому пробиваться в жизни. У него рано обнаружился талант к точным наукам, и он учился в политехническом университете. Однако для того, чтобы зарабатывать себе на жизнь, он пел в местном оперном театре, разумеется, в хоре. Став ректором, он организовал всем хорошо

известный хор преподавателей. В свободное от своих забот время, он музицировал за роялем. Его нотная библиотека была крупнейшим собранием на Северном Кавказе. Так вот, женат он был на девушке из клана уральских металлургов петровских времен, если не ошибаюсь, Шуваловых, и в то время, о котором я рассказываю, бабушка Сергея Крохина еще была жива. Она была чудом уцелевшим осколком старорежимной жизни, когда учили языки, читали книги и т. д. Алан Гатагов решил перед ней блеснуть эрудицией и спросил ее, не хотела бы она прочесть «Самопознание» Бердяева. На это она ответила ему, что сделала бы это с превеликим удовольствием, поскольку впервые прочла эту книгу в гимназические дореволюционные годы, и еще тогда она произвела на нее неизгладимое впечатление. Легко представить себе состояние нашего общего друга, получившего подобный ответ. Вот, собственно этим, мне и дорог Бердяев, каждое поколение заново открывает его для себя. Хотя позднее, читая воспоминания о русской эмиграции в Париже, я и узнал, что в быту он был очень своеобразным. Священник, который о нем писал, заметил, что у него всегда был открыт рот и высунут язык, отчего во время разговора с ним ему самому всегда казалось, что тот хочет его проглотить. У великих, как известно, свои причуды.

Момент истины

Итак, переходим непосредственно к изучению древнеперсидского языка. В первую очередь нам понадобится издание древнеперсидских памятников, подготовленное Роландом Кентом. Помню, как мне впервые указала на него Софья Петровна Виноградова, когда уже у порога института я успел поделиться с ней своим намерением присоединиться к семинару Василия Ивановича. Упреждая вопросы особо дотошных, привожу полные библиографические данные: Kent, Roland G. *Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon.* New Haven, 1953. Для начального курса этого издания вполне достаточно. Следует оговорить, что продвинутым исследователям придется обращаться к другим публикациям, содержащим свод самих клинописных памятников. Мы же вполне можем довольствоваться и их латинской транскрипцией.

Вот эта латинская транскрипция и содержит подвох. Во-первых, она практически не вызывает трудностей при чтении. Достаточно твердо знать латинский алфавит и освоить пару особых букв, используемых для передачи специфических древнеперсидских звуков. Во-вторых, транскрипция сопровождается переводом на английский язык, к которому можно прибегать при комментировании самих текстов. Этим, по-видимому, не считали для себя зазорным пользоваться некоторые из слушателей. Задача была предельно облегчена, а результат был вполне приемлем. Казалось,

1. Страница из книги Р. Кента. 2. Колонна Ападаны с изображением Ахурамазды

жизнь задалась и потомки Ахемена изыясняются вполне удобоваримо и по-свойски. Однако в подобном благостном состоянии слушатели пребывали лишь до поры до времени.

Иногда Василий Иванович устраивал “допросы с пристрастием”. Он просил прокомментировать непосредственно грамматические формы. А это было уже совсем не так весело. Не будучи очень уж изощренным по своей грамматике, древнеперсидский все же требовал определенных усилий. Нужно было, по крайней мере, знать о глагольном аугменте, указывающем на одноразовое действие, совершенное в прошедшем времени, то есть аористе, об особом абсолютном использовании инфинитива, о двойственном числе инструментального падежа существительных, типах склонения и т.д. Одним словом, наступал момент истины. Не так ли и в жизни? Можно долго напускать на себя очень важный и серьезный вид, многозначительно надувать щеки, но наступает момент, когда все выходит наружу, когда осыпается прошлогодняя штукатурка и взору открывается трухлявая опалубка саманной избушки. Знаменательно, что в случае с древнеперсидским это сбратывало непреложно.

Так бывало и в тех случаях, когда он хотел указать на лексическую связь древнеперсидского с осетинским, поскольку, как известно, оба этих языка относятся к иранской группе большой индоевропейской семьи. Совершенно неожиданно он обратился ко мне с вопросом, как будет по-осетински называться лошадь с большим белым пятном на лбу. Признаюсь, что тогда я оконфузился. Но урок был хорошо усвоен, теперь, даже если меня внезапно разбудить среди ночи, я отвечу на этот вопрос без малейшего сомнения: «зыгъар». При этом мне даже кажется, что я ясно вижу это самое белое пятно.

Старомодные привычки

Имея возможность наблюдать за Василием Ивановичем не только в сугубо академической, но также и в будничной, повседневной обстановке, я замечал у него привычки, которые к тому времени уже казались несколько старомодными. Так, например, когда у него на занятиях оказывался кто-то, недавно приехавший из Осетии, он его обязательно спрашивал о том, как обстоят дела на родине, что нового. А затем неизменно добавлял: «Æмæ рæстæг та куыд у? / А как там погода?». Обычно следовал ответ, что либо похолодало, либо идут дожди, либо установилась жара и т. д. Сегодня эту информацию можно приобрести в течение одной минуты, обратившись к интернету. Поэтому подобные вопросы люди уже друг другу не задают. А в них, в этих вопросах, было ощущение степенного, размеренного течения времени, причастности к вечности. Дескать похолодало, а это уже надолго, и оттепели не жди. Сейчас вокруг больше резких рывков, скачков, непредсказуемости...

Более того, было ощущение, что и сам вопрос далеко не праздный, а значительный, требующий взвешенного и продуманного ответа, не терпящий поспешности. От ответа как-будто непосредственно зависело, как следует одеваться, что с собой брать в дорогу и пр. Кстати, сам он рассказывал,

Встреча с интеллигенцией Южной Осетии, город Цхинвал (80-е годы прошлого века).

В центре — Василий Иванович с супругой Ксенией Григорьевной Цхурбаевой и Нафи Джусойты. Крайний слева — Юрий Дзиццойты, крайняя справа — Зоя Битарти

что, больше всего в своей жизни мерз, когда во время войны находился в Южной Осетии. Спасался же он от холода в местной бане. Только там ему и удавалось отогреться. Действительно, такова особенность теплых стран, где зима скоротечна и не так сурова.

Еще один эпизод проявления старомодной учтивости. Как-то осенью мы встречали Василия Ивановича на Курском вокзале после возвращения из Цхинвала, или, как еще было принято говорить, Чреба. Каждое лето Василий Иванович старался проводить в Осетии. На Юге у него был коттедж, превращенный позднее в дом-музей. Туда шел поезд и это давало возможность без пересадок достичь места назначения. Хотя и уходило на это трое суток. Было самое начало сентября. Василий Иванович был одет по-осеннему, плащ и кепка. В этой кепке была, в общем-то, характерная для него щеголеватость, сдержанный артистизм, сохраненный им со времен юности и проявляющийся в том числе и в его работах. Было ясно, что он нам рад. Тогда же услышал от него фразу: *«Тæгиатæ 'мбырд 'сты! / Высшее общество в сборе!»*. Ее произносят с оттенком иронии при виде некоего «блистательного собрания избранных».

Оттуда мы отправились к нему домой на улицу Вальтера Ульбрихта, поскольку нужно было довести его багаж. Уже после того, как все было поднято на второй этаж, мы собрались было откланяться, на что хозяин нам заметил: «Поступаете не по-осетински, от порога не уходят!». Так я оказался в его уютной квартире, стены которой были заставлены стеллажами с книгами.

Нас усадили за стол. Василий Иванович делился впечатлениями от поездки, которая всегда придавала ему свежих сил. Тем летом к нему обратились с просьбой похлопотать за одну из его многочисленных племянниц, собирающуюся получить высшее образование. Сам он рассказывал эту историю так. Передаю, естественно, по памяти. Часть текста по-осетински, как это и было в оригинале. «Я пообещал, что помогу, но попросил, чтобы сама девушка пришла ко мне на разговор. Ей я подтвердил

Памятная доска, установленная в Москве на стене дома, где жил В.И. Абаев

свою готовность, но добавил: «Æрмæст уый зон, Абайтæм, æвзæр чи ахуыр кодта, ахæмтæ нукуы уыдис (Однако помни, что у Абаевых не было таких, кто бы учился плохо)». И представляете, что она мне ответила: «Ныр шæм уыдженис! (А теперь будут!)»». Судя по всему, девчушка растерялась, оказавшись с глазу на глаз со своим великим родственником. Самого его это очень забавляло.

Замечу, что перенесенный нами багаж включал и два ящика прекрасного коньяку, преподнесенных Василию Ивановичу одним из его юго-осетинских почитателей. Оказалось, что он любил добавлять его в свой вечерний чай. Да и гостей он не обделил. Не скрою, что мы покидали этот гостеприимный дом в приподнятом настроении. Уже после смерти Василия Ивановича на стене этого дома будет установлена мемориальная доска, но, конечно же, совсем по другому поводу.

Игра на рояле

Когда личность сама по себе яркая, даже события бытового характера вызывают неизбежный всеобщий интерес. В свое время меня впечатлила одна из таких историй, произошедших с Василием Ивановичем в его студенческие годы. Люди близко знавшие его, наверное, обращали внимание на то, что мизинец его правой руки несколько изогнут. Обычно, думали, что это следствие каких-то возрастных изменений. На самом же деле это была травма, полученная им в юности. Оказавшись в Петрограде, он стал стесняться этого недостатка и решил исправить дело. Молва описывает эту историю следующим образом. Изучив список городских хирургов, он решил, что лучше других ему подходит известный профессор Вреден, пользовавшийся хорошей репутацией. С 1924 г. до конца своей жизни Роман Романович Вреден заведовал ортопедическим отделением Центрального государственного института травматологии.

Именно к нему на прием он и отправился в компании одного из земляков. В те годы в Петрограде работала целая группа осетинской интеллигенции, которая должна была подготовить к печати «Осетинско-русско-немецкий словарь» Всеволода Миллера, остававшийся незавершенным после смерти составителя. Одним из участников этой группы был Инал Собиев, который, согласно молве, впоследствии и поведал о случившемся.

Внимательно осмотрев мизинец, хирург с некоторым удивлением поинтересовался, а чем он, собственно, беспокоит пациента. Чтобы сохранить лицо, Василий Иванович ответил, что он играет на рояле, и потому хочет исправить этот небольшой дефект, из-за которого он не может добиться совершенства в игре. Но хирург категорически отказался выпрямлять

В.И. Абаев — студент
Петроградского
университета

Профессор Р.Р. Вреден

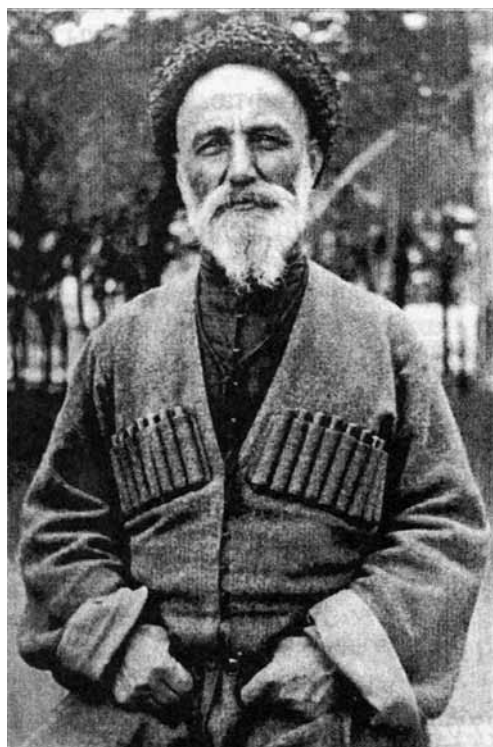
Рабочая группа, участвовавшая в подготовке «Осетинско-русско-немецкого словаря» Вс. Миллера. Первый ряд, сидят слева направо: Инал Собиев, Цоцко Амбалов, профессор А. Фрейман, Михал Гарданги. Второй ряд, стоят слева направо: Дзыбын (Магомед) Мисиков, Георгий Бекоев, Губади Дзагуров, Гагудз Гуриев

Академик Л.В. Щерба

мизинец, заявив, что подобные мелочи не заслуживают его участия. Уже на улице раздосадованный Василий Иванович вынес окончательный вердикт, сделав фамилию хирурга «говорящей»: «Этот хирург не только вреден, но еще и бестолков!». А из распахнутого настежь окна соседнего дома в этот момент, наверное, им вслед лилась мелодия одного из виртуозных этюдов Шопена. Как правило, именно так судьба иронизирует над людьми, всеми, и великими, и обычными. Каждому лишь остается услышать свою мелодию.

Цоцко

Цоцко Амбалов

Во время своих занятий Василий Иванович нередко позволял себе пространные отступления. Часто ему на память приходили репрессированные коллеги. Обычно, вспоминая кого-то из них, он говорил: «А дата смерти 1937 год. Однако никто не удосужится объяснить, что же с ним все-таки случилось. Что на них всех мор напал, что ли?» Одним из таких персонажей из прошлого был Цоцко Амбалов, о котором он отзывался с особой теплотой. Это — известный деятель осетинского национального возрождения начала прошлого века, собиратель фольклора, переводчик с немецкого языка. В 20-е годы он преподавал в Петроградском университете. В связи с Цоцко, Василий Иванович рассказывал такую историю. Известно, что

тот был редактором «Осетинской лиры» Коста Хетагурова. И вот как-то раз эта книга попала в Ардон и оказалась в руках его односельчан. Так им стало известно, что хорошо им знакомый Цоцко Амбалов выступил в роли редактора. По-осетински было сказано «лыстæг æм æркаст Æмбалты Цоцко», что буквально значит «внимательно, пристально взглянул, просмотрел». Поскольку Цоцко был совершенно беспомощным в быту, они не удержались от того, чтобы не съязвить: «Фæлтау йæ каумæ лыстæг куы ркастаид! / Лучше бы ему было тщательно взглянуть на свой забор!» Однако покосившийся забор, конечно же, скажете Вы, не повод для того, чтобы подвергнуть человека репрессиям.

У Цоцко была безупречная репутация, все знали, что он никогда не обидел бы не только человека, но не побеспокоил бы и мухи. Василий Иванович терялся в догадках. Было известно, что Цоцко любил эпатировать публику. Он ходил на занятия в университет в кавказской бурке, изображая горца, соответствующего образам, созданным классиками русской литературы, Пушкиным, Лермонтовым, Толстым. Говорят, что в студенческой столовой он обычно повторял одну и ту же фразу: «Бог — один, вера — один, кушать хотим!». При этом, как вспоминал Василий Иванович, он без колебаний отправился в Париж, чтобы прослушать курс лекций известного кавказоведа Максима Ковалевского, коллеги и друга Всеволода Миллера. Тогда было достаточно обратиться за загранпаспортом. Василий Иванович так описывал его поступок: «Ныббындз кодта! / Умчался!».

Причина опалы могла, по мнению Василия Ивановича, заключаться во фразе, которую тот любил повторять: «Gewerkschaft es kümmert sich um diese! / Об этом позаботится профсоюз!» Она вполне могла восприниматься как антисоветская. Дело в том, что она была включена в новые учебники немецкого языка и для Цоцко, поклонника Шиллера, она, вероятно, корбила слух. Начиналось закручивание гаек, и он остро ощущал этот переход. В этой связи для меня совершенно иное звучание приобретает известное каждому первокурснику-лингвисту предложение академика Щербы. Это был крупнейший отечественный специалист в области фонетики. Именно на его семинаре постигал премудрости этой области языкознания и Василий Иванович.

Так вот, для того, чтобы показать, что смысл предложения во многом передается не только с помощью лексики, то есть корней слов, а благодаря морфологическим показателям или грамматике, он придумал ставшее хрестоматийным искусственное предложение: «Глокая куздра штеко бодланула бокра и кудрычит бокренка». Корней нет, но есть правильно грамматически оформленные члены предложения. Подлежащее — *куздра*, выраженное существительным женского рода единственного числа именительного падежа

первого склонения. У него есть согласованное с ним по всем грамматическим правилам определение — *глокая*. Сказуемое — *бодланула*, прямое дополнение — *бокра* (существительное единственного числа мужского рода винительного падежа). Затем однородное сказуемое — *кудрычит* — но уже не прошедшего, а настоящего времени. И, наконец, однородное прямое дополнение — *бокренка*, в морфологической структуре которого присутствует уменьшительно-ласкательный суффикс. По сути, разобранный текст — это повесть в одном предложении, описывающая на свой особый манер главное содержание той трагической эпохи, переданное эзоповым языком. Бессилие перед глокой куздрой, обреченность бокра и бокренка, и вероятность для любого оказаться, в лучшем случае, бодланутым, а, в худшем, раскудрыченным. Особо зловещий характер в этой фразе приобретают поистине кафкианские по своему ужасу сочетания согласных «глк», «кздр», «штк», «бдл», «кдр» и т.д. А у студентов, я сужу по собственному опыту, это предложение академика Щербы обычно вызывает веселый смех. Эх, молодо-зелено!

Легкость бытия

Во Владикавказе, на улице Коцоева, в пятиэтажном доме у Василия Ивановича тоже была небольшая квартира, расположенная в живописном месте на набережной Терека, которая была предоставлена в его распоряжение местным руководством. В ней он иногда останавливался, главным образом, по пути на Юг, чтобы передохнуть перед непростой дорогой через Главный Кавказский хребет. В такие дни он нередко проводил встречи с интеллигенцией, писателями, художниками, искавшими любой возможности общения с ним. Одна из таких встреч произошла в конце 80-х годов в Северо-Осетинском институте гуманитарных исследований. После встречи, некоторые из присутствующих подошли к нему с книгами, чтобы попросить автограф. Первым к нему пробрался Алан Гатагов, работавший тогда в отделе экономики. Позднее он мне обо всем этом и поведал. Василий Иванович не отказал ему в просьбе и подписал книгу, однако предварительно он поинтересовался, кому следует адресовать надпись. Было сказано,

В.И. Абаев в домашней обстановке

кому следует адресовать надпись. Было сказано,

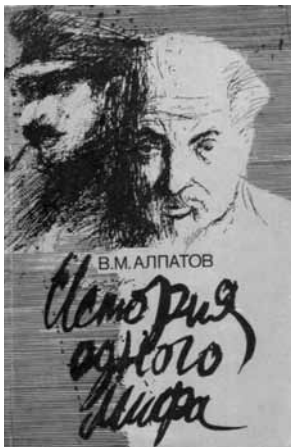
естественно, «Алану Гатагову». Просьба была исполнена. Следом подошли сотрудники отдела истории Алан Туаллагов и Алан Касаев. Им он задал тот же самый вопрос и затем также оставил памятные надписи и в их книгах. Уже вставая из-за стола, он с явным удовлетворением заметил: «Думаю, что если так пойдет и дальше, то скоро аланы достигнут своей былой численности».

В тот же приезд к нему обратился и кто-то из местного начальства, приглашая его на встречу. Василий Иванович попытался выяснить цель подобного приглашения. «Хочу с Вами познакомиться», — нисколько не смущаясь, ответил ему ответственный работник. В ответ он услышал не совсем, вероятно, то, на что рассчитывал: «Видите ли, я уже не в том возрасте, чтобы заводить новые знакомства!».

Чувство юмора дано нам свыше, чтобы скрасить нашу такую заурядную и часто однообразную жизнь, подсказывая совершенно неожиданный поворот уже, казалось бы, отыгранному судьбою сюжету.

О Марре

И вот, как-то раз, после очередного семинара к Василию Ивановичу пришел известный лингвист и востоковед В.М. Алапатов. Эта встреча была предварительно согласована, и Василий Иванович ждал гостя. Разговор должен был идти об академике Марре. В.М. Алпатов готовил книгу и попросил разрешения задать несколько вопросов. Я имел возможность наблюдать это интервью. Длилось оно не очень долго и, насколько я понял, было не очень по душе Василию Ивановичу. Тон беседы был, хотя и доброжелательный, но достаточно сдержанный. Было задано несколько вопросов общего характера, а затем Василия Ивановича спросили, а не выжил ли в конце своей столь яркой жизни академик Марр из ума? Василий Иванович уронил голову на грудь и призадумался. А затем, после достаточно продолжительной паузы, ответил вопросом на вопрос. А что, собственно, следует считать сумасшествием? На этом и без того не очень продолжительная беседа завершилась. Впоследствии была опубликована весьма компетентная и содержательная книга, позволившая осмыслить Марризм с позиций не только современной науки о языке, но также и с учетом понимания социально-исторических факторов ушедшей эпохи. В ней, кстати, содержится упоминание и этого разговора, который и на меня самого произвел достаточно сильное впечатление. Несмотря на весьма сдержанный тон, в нем была какая-то недосказанность. Лишь позднее, когда я имел возможность прочесть опубликованные в печати протоколы проводившихся в Осетии собраний по развенчанию марриста Абаева, из которых естественно

1. Академик Н.Я. Марр. 2. Обложка книги В.М. Алпатов «История одного мифа».
3. В.И. Абаев

вытекала постановляющая часть о ходатайстве к соответствующим органам принять самые суровые меры в его отношении. Кроме того, в секторе иранистики тогда работала Татьяна Николаевна Пахалина, прекрасный специалист по памирским языкам. Она была аспиранткой, когда началась сталинская кампания за марксизм в языкознании. Она рассказывала, что в институте тогда проходило собрание, на котором все ведущие языковеды публично каялись в допущенных ошибках. Это делали практически все. Ее память удержала выступление Мирры Моисеевны Гухман, известного германиста и женщины с очень сильным характером. Даже я слышал посвященную ей сентенцию. В Москве ходила шутка, что столичная интеллигенция боится на свете лишь трех вещей: мировой революции, очередной деноминации и Мирры Моисеевны.

У Василия Ивановича же выбора практически не было. Он был загнан в угол. То, что для других было публичным самоуничижением, для него бы стало личностным крахом. Долгие годы он был в роли «официального» ученика Марра. Николай Яковлевич, преподаватель Петроградского университета, пригласил Абаева, тогда еще студента, в качестве сотрудника в свой новообразованный Институт языка и мышления. Многие кавказоведческие идеи, в том числе о двуприродности осетинского языка, были позаимствованы им у него. Не случайно поэтому, что именно Василию Ивановичу было поручено писать некролог на кончину ученого, последовавшую в конце тридцатых годов. С тех пор его «Новое учение о языке» приобрело официальный статус и никем не ставилось под сомнение. Интерес к языкознанию возник у Сталина в начале пятидесятых годов. Эта страница истории советского языкознания достаточно подробно описана.

Полагаю, что сам интерес вождя к данной теме возник в силу целого ряда причин, в том числе, насколько я могу судить, из военного опыта и в результате общения с главами стран-союзниц. Он понял, что язык становится одним из полей сражения и потому, не может оставаться вне поля зрения партии. Доступ к иностранным языкам уже открывал путь к сотрудничеству с иностранными разведками, делал человека открытым для чуждой идеологии. Посему и эту область надлежало взять под строгий присмотр. Василий Иванович чудом уцелел в этой смене вех, и ему, по-видимому, не хотелось видеть в своих жизненных перипетиях всего лишь плод чьего-то воспаленного воображения. Слишком дорогой ценой было за все это заплачено.

Не стоит отрекаться от своего прошлого, не стоит отказываться от своих учителей, даже если на закате своей жизни они действительно оказались в плену собственных фантазий.

О Георгии Малиеве

В числе репрессированной интеллигенции он нередко вспоминал и Георгия Малиева, которому посвятил специальную статью. Судить о певучести его стиха можно, как мне думается, благодаря его знаменитому «Веретену», написанному в 1921 году. В его основе незамысловатый сюжет. Девушка тихо прядет пряжу, напевая про себя, когда в окне случайно видит горящий взгляд лихого всадника на черном коне. В этот миг ее сердце учащенно забилось, а нить пряжи рвется и путается. Всадник же с пламенным взором так и остался в ее мыслях. Здесь, по-видимому, помимо девичьего чувства присутствует и мифологический фон, ожидая суженого, девица прядет нить судьбы. Вспоминаем пушкинских трех сестер из «Сказки о Царе Солтане»: «Три девицы под окном пряли поздно вечерком...». Здесь же, конечно, и германские Норны, сидящие у корней Мирового древа — Иггдрасиля. Отсюда преодоление простого бытописания и лиризма, но ощущение чего-то вечного, непреходящего.

ÆЛХУЙНÆ

Ци кæнуй, цума, ме 'лхуйнæ,
Ку нæбал зелуй дзæбæх?
Мæ цæститабæл уайунцæ
Сау нимæт æма сау бæх.

Нæ уæлиндзæбæл æзинæ
Æз сундакъæ æлвистон,
Мæхенимæр нидæн заргæ
Æз цидæртæ имистон.

Нæ дæлпазбуннæ еу бæхгин
Фæцæйзиндтæй уæд æваст.
Мæ фидбилизæн æ хæццæ
Цæмæн фæдтæн æз æнгаст?

Æ мед-ходæ æрттивтонцæ
Дууæ цæсти сурх зингау.
Мæ зæрдæ мин басугътонцæ,
Ду ме 'вдесæн, уо, Хуцау!

Базир-зир кодта мæ зæрдæ,
Разилдæй мæбæл мæ сæр,
Æрискъудæй мæ сундакъæ,
Æрбадудæгътæ 'й куддæр.

Нури уæнгæ дæр мæ кеми
Æз нама 'рдæн дзæбæх ма,
Цæветтонгæ ма мæ зæрди
Сагъд байзадæй сау хъæма.

Ци кæнуй, цума, ме 'лхуйнæ,
Ку нæбал зелуй дзæбæх?
Мæ цæститæбæл гъазунцæ
Сау нимæт æма сау бæх.

Приведу его перевод на русский язык, выполненный В. Казанцевым.

ВЕРЕТЕНО

Что случилось? Не кружится,
Не поет веретено.
Бурка черная мне снится,
Черный конь глядит в окно.

На высокой, плоской крыше
В час, когда закат горит.
Пряла я вчера. Вдруг слышу —
По дороге стук копыт.

И зачем со жгучим взглядом
Взгляд мой встретился на миг?
Смертоносным, острым ядом
Взгляд тот в грудь мою проник.

Над собою потеряла
Я в одно мгновенье власть.
Жарко грудь затрепетала.
Нитка пряжи порвалась.

Не приду никак в себя я.
Кто-то больно сердце сжал.
Будто в нем, меня терзая,
Стынет всаженный кинжал.

Георгий Малиев

Памятник Георгию Малиеву
в одном из скверов Владикавказа
(скульптор Лазарь Гадаев)

Не играет, не кружится,
Не поет веретено.
Бурка черная мне снится.
Черный конь глядит в окно.

Археолог Зарина Албегова рассказывала, что слышала это стихотворение в исполнении самого Василия Ивановича, когда заходила к нему в 1999 г., чтобы проконсультироваться по какому-то специальному лингвистическому вопросу.

Она попросила составить ей компанию Сергея Кулланду, как человека, к которому он хорошо относится и с кем был прекрасно знаком, чтобы не сильно его беспокоить. Василий Иванович запомнился ей высоким, с необыкновенной осанкой, стройным и светящимся. Он, по своему обыкновению, сначала ее саму попросил прочесть что-нибудь из Коста. А после того, как его просьба была исполнена, в ответ сам прочел своим гостям это стихотворение Георгия Малиева. Зарина утверждает, что сделано это было «необыкновенно красиво».

Посадка верхом

Обычно наши семинары проходили по пятницам и начинались в час пополудни. Сам Василий Иванович приезжал заблаговременно, обычно в половину первого. Заканчивались же занятия в половину третьего, после чего он задерживался еще на полчаса. Таким образом было относительно свободное время перед занятиями и после них. Те, кто знал об этом, пытались воспользоваться этой возможностью для свободного общения. У меня была возможность наблюдать несколько из подобных бесед, об одной из которых я сейчас и поведаю.

Вместе с нами на занятия к Василию Ивановичу ходил один достаточно взрослый слушатель, которого никак нельзя было принять за аспиранта. Вскоре выяснилось, что это — Дмитрий Сергеевич Раевский, один из крупнейших скифологов нашего времени, мифолог с мировым именем из Института востоковедения. Замечу, что он вел себя точно также как и все остальные: конспектировал лекции, готовился к занятиям, отвечал на задаваемые ему по ходу занятия вопросы. Как-то он задержался после очередного занятия, и они с Василием Ивановичем говорили об одном из весьма уважаемых коллег. Во время обмена мнений Василий Иванович, отдавая должное его учености, заметил, что тот пишет для него «несколько темно», не вполне понятно, что он привык к «французской ясности изложения». И еще он заметил, что создается впечатление, что этот исследователь «слишком серьезно относится к самому себе».

Как-то раз Дмитрий Сергеевич Раевский, задержавшись после занятия, завел с Василием Ивановичем разговор о Жорже Дюмезиле. Тогда из Парижа пришло известие о том, что крупнейший французский мифолог и религиовед перенес инсульт и находится на больничной койке. При этом, как рассказывал Дмитрий Сергеевич, он нисколько не теряет присутствия духа, но, напротив, пытается вернуться к активной жизни, в той степени, насколько это возможно в его новом состоянии.

На это Василий Иванович, высказав надежду на скорейшее выздоровление Жоржа Дюмезиля, рассказал историю своего пребывания в Париже, который он посетил в 70-ые годы по приглашению своего коллеги. Он прочел лекцию, если не ошибаюсь, в College de France, и у него было достаточно свободного времени, чтобы осмотреть город. Как-то раз ему в гостиничный номер позвонил один из учеников Дюмезиля и спросил, как бы он отнесся к конной прогулке. «Я ему на это ответил», — продолжал Василий Иванович, «что ничего не имею против!». Так они оказались в Булонском лесу, где желающим на прокат предоставляли лошадей. К ним вышел хозяин конюшни и, когда Василий Иванович сел верхом, стал восторженно повторять «Казак! Казак!». Дело в том, что у каждого из народов Кавказа существует своя

Д.С. Раевский

Жорж Дюмезиль

особая манера посадки верхом. Есть она, в том числе и у осетин. Существует известная народная песня Софьи Слоновой (Слонаты Софияйы зарæг). Сюжет этой песни во многом повторяет лермонтовскую Бэлу, когда невинная девушка оказывается насильственно отдана чужаку своим собственным братом за долги. У Лермонтова, напомним, Казбич отдал сестру Печорину в обмен за коня. Так в этой песне героиня поет о том, что глядя из своего заточения, мечтает, хотя бы краешком глаза, увидеть осетинского всадника (ирон барæг), что означает всадника с особой осетинской посадкой. Насколько мне самому удалось выяснить, эта посадка — пусть знатоки меня поправят — предполагает прямую спину, всадник сидит, несколько откинувшись назад. Вероятно, она схожа с посадкой казаков, которых хорошо знали в Париже со времен наполеоновских войн.

Спустя почти десять лет я сам попал в Париж. Гуляя по Булонскому лесу, я заметил, что рядом с пешеходной дорожкой тянется еще одна — более широкая и усыпанная песком. Какое-то время я терялся в догадках, пока не увидел на песке обильные конские яблоки. Так я понял, для чего она предназначена, и тут мне на память пришел рассказ Василия Ивановича о его конной прогулке и его особой посадке верхом.

Все знали, насколько хорошо был образован Василий Иванович. Но он никогда этим не кичился. Ученость, в данном случае, носила какой-то иной характер. Она была средством обретения смысла жизни, некоей личностной состоятельности. На фотографии, где ему уже далеко за девяносто, ясно видны покой и умиротворение. Знание как средство обретения радости, внутренней свободы, освобождения от страстей мира.

Юбилей

Однажды во время наших занятий разговор зашел о чем-то юбилее. Василий Иванович заметил, что к подобным чествованиям следует относиться с определенной осторожностью. В подтверждение он сослался на историю Важи Пшавелы. Привожу ее в том виде, как она была рассказана.

Важа Пшавела, или Важа из Пшавы, уже при жизни стал классиком грузинской литературы. Он был сельским учителем и обрабатывал бытовавшие в крестьянской среде народные предания, легенды. Некоторые из них, кстати, были положены позднее в основу известного фильма Тенгиза Абуладзе «Молитва», может быть, одного из самых проникновенных во всем его обширном кинематографическом наследии. Впрочем, это дело вкуса. Когда же Важа Пшавела достиг своего пятидесятилетия, то почитатели его таланта пригласили его в столицу. Поскольку дело происходило до

революции, то и называлась она тогда на старорежимный манер Тифлисом. С некоторыми перерывами чествования затянулись на несколько лет. Когда же вконец измученный юбиляр слег от воспаления легких в одной из тифлисских клиник и почувствовал свой близкий конец, он обратился к близким с одной единственной просьбой, чтобы ему в палату привезли сена из Пшавы. Когда это было сделано, то он попросил, чтобы его переложили на него с больничной койки. «И так», — подытожил Василий Иванович, — «вдыхая запах сена родной земли, он и испустил свой дух!».

Я вспомнил эту историю несколько лет спустя, когда попал на юбилейные торжества самого Василия Ивановича. В 1991 году во Владикавказе отмечали его девяностолетие. Стояла удивительная пора «бабьего лета», когда осеннее солнце одаривает нас своим прощальным нежным теплом, когда ветер качает нити паутины, прогнувшиеся под влажной тяжестью капель обильной утренней росы, когда шелест пожухлой листвы, вторит каждому нашему шагу. Воздух был тих и прозрачен, отчего белая шапка Казбека, видимая почти из любой точки в городе, казалась близкой как никогда. Помню Д.С. Раевского, по выражению лица которого, можно было составить представление об испытываемом им упоении всем этим осенним великолепием, близким к состоянию блаженства.

Выразить свое почтение юбиляру в Осетию приехало много гостей, которых ни до этого события, ни после него в республике никогда уже не было. В зале Дома искусств, где все и происходило, царил какой-то всеобщий душевный подъем, было ощущение некоего едва сдерживаемого ликования. Из зала я наблюдал за виновником торжества.

Он сидел на сцене, величественно опираясь на свою привычную трость, с самого края президиума, как бы отдельно от остальных, с достоинством выслушивал звучавшие в его адрес поздравления и здравицы. Для того, чтобы можно было составить представление о степени выражаемого к нему восхищения, скажу лишь, что в числе прочих подарков ему преподнесли и вороного коня, которого подузды вывели на сцену. (Что стало с конем потом, я не знаю!) В заключение он

В.И. Абаев в президиуме торжественного собрания в честь его девяностолетия, Владикавказ

обратился ко всем с благодарственным словом. Он повторил то, что уже не раз говорил в своих интервью: «После ухода человека никто уже не помнит, ни какой машиной он владел, ни то, в каком доме жил. Людская память удерживает две вещи — его человеческий образ и труд, которому он себя посвятил». Затем продолжил: «Все, что я делал, — сказал он, — я делал ради Осетии и во имя Осетии. Буду трудиться и дальше, а если нет, — тут он добавил по-осетински: — Уæд мыл уæ къух ауигъут, маңæй лæг нал и! / Можете тогда махнуть на меня рукой, я конченный человек!».

Историю Важи Пшавелы он, все же, не упомянул. Но сослался на Толстого, который говорил, что нередко человек напоминает ему дробь, «чем меньше в числителе, тем больше он пытается обозначить в знаменателе», так что в итоге, значение дроби стремится к нулю. А завершил свою речь все тем же предупреждением об опасности, которую таят в себе юбилеи. «Дело в том, что юбиляр может искренне поверить во все то, что говорится в его адрес». Думаю, что каждому из нас стоит помнить об этом подвохе, который таит в себе юбилей. При этом не забывать и о дробях, и не только в дни рождения, но и во все прочие дни нашей столь скоротечно проносящейся мимо нас жизни. А иначе, видимо, до девяностолетия и не дожить, сгорим от чувства собственной значимости.

Английский лорд

Продолжаю тему встреч на родине. В мою бытность сотрудником Северо-осетинского университета, лаборант английской кафедры, добрейшая Вера Андреевна Щербинина, которая тогда уже была преклонных лет, рассказала мне историю о том, как Василий Иванович нанес визит в это высшее учебное заведение. Насколько я могу судить, это был 1968 год, когда в Тбилиси проходил конгресс востоковедов. Именно оттуда небольшая делегация и приехала в Осетию. Вера Андреевна вспоминала, что их заблаговременно предупредили о высоких гостях, сказав, что в их числе помимо Василия Ивановича, будет еще какой-то английский лорд. Речь, наверняка, шла о Гарольде Бейли, крупнейшем ориенталисте прошлого века, которому за его заслуги английской королевой было пожаловано рыцарское звание. Лордом он, конечно, не был, но был произведен в дворянское сословие, и к нему надлежало обращаться по имени, предваряя его титулом «Сэр», то есть «Сэр Гарольд». В этом обращении по имени есть признание личностной состоятельности, преодоление родовых черт и обретение собственной судьбы, своего места в истории народа. Так в Историю Осетии вошли, например, не только Коста, но и сам Василий Иванович, под именем Васо.

Выдающийся английский языковед сэр Гарольд Бейли (справа) в Кембридже

СОГУ им. К.Л. Хетагурова, фото 60-ых годов

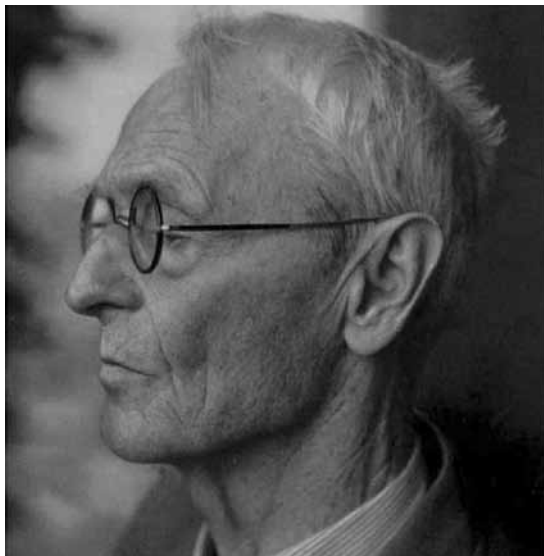
Когда же гости прибыли на факультет, то, пытаясь, в первую очередь удовлетворить свое чисто женское любопытство и понять, кто же из них все-таки «Лорд», Вера Андреевна твердо про себя решила, что на эту роль лучше всего подходит невысокий мужчина в очках и с тростью. По крайней мере, держался он с достоинством настоящего лорда и остальные были по отношению к нему подчеркнуто предупредительны. Каково же было ее удивление, когда, спустя небольшое время, выяснилось, что это вовсе не англичанин, а Абаев, «аристократом» же был другой, тоже весьма почтенный господин.

Эта ошибка, мне кажется, была показательной и неслучайной, было что-то в фигуре Василия Ивановича несоветское. Но происходило это не потому, что он был иностранцем, а оттого, что он был человеком другой эпохи, где ценили человеческое достоинство, где спину было принято держать прямо, судьбе смотреть в лицо и т. д.

Я и сам как-то набрел еще на одного двойника Абаева. Сходство мне представлялось не только внешним, но и глубоко внутренним. Это — Герман Гессе. Когда же я прочел его повесть «Курортник», то это убеждение только усилилось. Он также носил очки, передвигался с трудом, был гуманитарием и находился под глубоким впечатлением от культуры Востока. По крайней мере, он часто упоминал буддизм и зороастризм. А после его книги «Степной волк» мне стало казаться, что и Василий Иванович мог быть ее автором, если бы стал не лингвистом, а писателем. Хотя, чего только человеку может не показаться, когда от личности исходит обаяние такой силы.

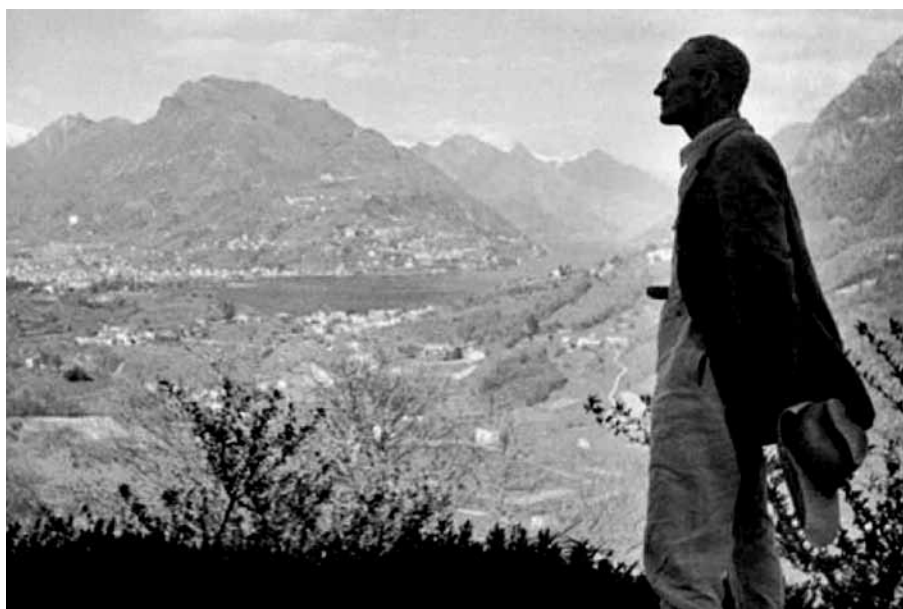
В.И. Абаев

Герман Гессе

В.И. Абаев на горном перевале по пути
в Южную Осетию

Герман Гессе на прогулке в горах Швейцарии

Сходство с Гессе глубоко внутреннее. Интерес к религиозным традициям Востока, и одновременно тяга к национальным корням, приобщение к универсальному мировому культурному пространству без утраты связи с почвой. Замечу, что Гессе происходил из Швейцарии, то есть не был столичным писателем. Более того, также как и Василий Иванович, он родился и вырос в горах. Вы скажете, что так человек оказывается ближе к небу, и я соглашусь с этим утверждением. В горах звезды ближе и ярче, и оттого они кажутся крупнее. Вас не будет покидать ощущение, что они находятся на расстоянии вытянутой руки. Нужно только привстать на цыпочки...

Гессе изучал наследие немецких поэтов-романтиков, опиравшихся в своем творчестве на фольклорную традицию. Знаменательно, что сравнительно-историческое языкознание, в рамках которого Василий Иванович раскрыл свой талант лингвиста, было возвращено на немецкой почве, что его столпы, включая братьев Гримм, собирали устное народное творчество, составляли словари, открывали законы фонетических соответствий. Не случайно, когда уже совсем незадолго до его кончины, когда уже не было сил вставать, пришедшей его проведать депутации, он цитировал отрывок из Генриха Гейне. К счастью, сохранилось видео, где можно видеть этот момент, как он рассказывает о том, что в юности впервые прочитал это стихотворение немецкого классика и как помнил о нем всю жизнь. Назвал он его на немецкий манер не со звонкими смычными, как в русском языке, а с глухими придыхательными в начале «Heinrich Heine». Привожу его по памяти.

Reichtum zu verlieren — etwas verlieren,
Ehre zu verlieren — alles verlieren.

Говорить ему уже было несколько тяжело. Голос сел, дыхание было прерывистым. Прочитировал он его именно по-немецки, так, как запомнил. Затем перевел:

Богатство потерять — много потерять,
честь потерять — все потерять.

Если я еще Вас не убедил, то сошлюсь, наконец, на акварели Гессе, которые бы вполне могли выйти и из под кисти Василия Ивановича, будь у него художественный талант. Любой, кто обратится к научным работам Абаева, наверняка почувствует в них тот же солнечный свет, ту же любовь ко всему живому и мятущуюся душу одинокого странника, без страха следующего путем, уготованным ему судьбой.

О Коста

Все знавшие Василия Ивановича отмечали его любовь к поэзии. Как-то раз мне и самому пришлось держать перед ним поэтический экзамен. Во время наших занятий он иногда беседовал с кем-то из присутствующих на неожиданно заинтересовавшую его тему. Так и меня он вдруг спросил, а знаю ли я что-нибудь из поэзии Коста Хетагурова. Но прежде, чем я успел ответить, он рассказал небольшую историю. Как оказалось, недавно к нему на консультацию приезжала девушка, занимавшаяся изучением осетинского языка. И перед ней он поставил тот же самый вопрос, в ответ на который она стала читать стихотворение «Кæй фырт дæ? — Толайы! Кæм уыдтæ? — Сколайы!» (Чей сын ты? — Тола! Где был ты? — В школе!). Стихотворение это крайне простое, если не сказать примитивное. Оно прилично звучит лишь в устах первоклассника, которому, собственно, и адресовано. Таким образом, Василий Иванович предостерегал меня от повторения подобной ошибки.

На мое счастье я знал и другие стихи Коста. Я прочитал первые два четверостишия известного стихотворения «Додой», после чего он сам меня остановил. К счастью, в те годы песню, написанную на слова этого стихотворения Коста, часто крутили на радио. Так я получил от него свой первый зачет.

Коста знали все. Даже те, кто не умел читать, в том числе и моя бабушка. Она совсем не знала никакой грамоты. Однако когда по телевизору шла передача о Коста Хетагурове, безошибочно узнавала классика. Называла она его, однако, на свой особый манер: «Къеста», так, как уловила на слух. Оказалось, что когда они впервые попали в город, то на первых порах снимали угол у Цаликовых, тех самых, в доме которых на улице Цаголова бывал и великий поэт. Известно, что он пытался свататься к Анне Цаликовой, но получил отказ. От этого несостоявшегося романа остался написанный маслом портрет Анны и обширная переписка, в которой они долгое время состояли. И эта история была ей известна, вновь в собственной интерпретации. Отказ отдать Анну она объясняла так: «Къоста йе куырынмæ хъавыди, фæлæ йын æй нæ радтой, уымæн æмæ къуылых уыди / Коста сватался к ней, но ему отказали, потому что он был хромым». Любопытное свидетельство для исследователей творчества и жизни Коста Хетагурова.

Подобная любовь к Коста неслучайна. Василий Иванович прекрасно осознавал место, которое тот занимает в национальной культуре осетин. Небольшая книжка Коста «Ирон фæндыр / Осетинская лира» положила основу осетинскому литературному языку. В ней он не только совершил переход от фольклора, то есть устного коллективного бессознательного, к

Коста Хетагуров

В.И. Абаев

Могила Коста Хетагурова

Кладбище Осетинской церкви.
Могила В.И. Абаева

литературе, то есть книжной традиции, предполагающей индивидуальное авторство. Он изменил сознание осетина, выводя его из рамок общинно-родовых, мифологических, на простор мировой истории, позволяя ему обрести личную судьбу. Василий Иванович же, осмыслил это язык, вписав его в круг мировых культурных языков, надежно установив его происхождение и проследив его исторический путь. Времени на это у него ушло в два раза больше, чем у Коста, полный век. Его научное наследие гораздо более масштабно. Оба прошли через гонения на родине. Однако в конце своего жизненного пути они оба оказались на кладбище осетинской церкви, обретя вечный покой в соседних могилах.

Последнее занятие

Завершились наши занятия весной 1988 года, на майские праздники. После этого я уже никогда не имел случая непосредственного общения с ним. Той нашей последней весной Василий Иванович любил повторять, что он больше уже не ученый, что ему уже надоели суффиксы и приставки, которыми он занимался всю свою жизнь, что теперь он — политик. В стране шел третий год перестройки и воздух был наполнен какими-то ожиданиями перемен, ощущением возвращения когда-то утраченной свободы. Василий Иванович собирался, как он сам говорил, писать мемуары. «Одну из глав», — иронизировал он, «я посвящу Горбачеву. Она будет называться ‘Мафиози-грацциози’!». Горбачева, в общем-то, не очень жаловали из-за его безбрежной словоохотливости и не только. К тому же, тогда всех удивляла роль, которую он отвел в государственных делах свой супруге Раисе Максимовне, которая принимала участие во всех его официальных визитах. По этому поводу всячески язвили. Острословы даже придумали особое название для двойного автобуса, который называли «Мишка и Райка».

1. Комплекс зданий МГУ им. М.В. Ломоносова на Воробьевых горах.
2. Особняк французского посла

А об этом автобусе и той роли, которую ему было суждено играть в моих занятиях древнеперсидским языком, следует сказать подробнее.

Именно на таком автобусе-гармошке я часто ездил на занятия в Институт Языкознания. Его маршрут имел № 111 и проходил мимо Главного здания МГУ на Воробьевых горах, где я тогда жил, и мне было достаточно просто выйти на остановку на улице Лебедева или у Клубной части. Я занимал место в самом конце, поворачивался спиной к салону, и через широкое заднее стекло автобуса мне открывался прекрасный панорамный вид на широкие московские улицы. Я не замечал уже сутолоки внутри салона, а доставал свои записи и в течение получаса под мерное качение автобусных колес погружался в древнеперсидские тексты. «Я — Царь-Кир, царь царей, царь стран, Ахемедин. Бог великий, Ахурамазда, создавший небо и землю, меня царем сделал, мне это царство пожаловал, избилующее добрыми конями и добрыми людьми...» В этих фразах, провозглашающих вселенское величие древнеперсидской империи, слышались раскаты грома, от них веяло жаром раскаленного на солнце песка пустыни. А рейсовый автобус вез меня привычным маршрутом вдоль Москва-реки, по улице Косыгина, затем по Ленинскому проспекту, мимо особняка посла Франции, минуя Большой Каменный мост и кинотеатр «Ударник», вдоль Александровского сада. Поскольку две его части соединялись не жестко, чем-то наподобие гофры, напоминавшей голенище сапога для раздувания самовара, то при поворотах его хвост достаточно заметно болтало, и у меня, стоящего в самом конце салона, было ощущение, что я в чреве змеи, пробирающейся сквозь нагромождения зданий, машин, пешеходов. Мотая хвостом из стороны в сторону, змея вползала в пещеру сокровищ Алладина. Это впечатление легкого заноса, когда почва уходит из под ног, навсегда связалось у меня с нашими занятиями.

Вид на Кремль с Большого каменного моста

Была, кстати, еще одна подобная ассоциация, столь же прочно связанная с посещениями иранского сектора. Дело в том, что этот сдвоенный венгерский автобус был рассчитан на страны с теплым климатом и потому не имел внутреннего отопления. Зимой ехать в нем было нестерпимо холодно. Его окна покрывались изморозью, и его промозглый салон согревало только дыхание пассажиров и тепло их тел. Тогда, вместо автобуса, я шел к ближайшей станции метро, по пути куда, как правило, заглядывал в кофейню. И этот запах кофе, еще некоторое время щекотавший мои ноздри на морозном воздухе, и сладость на губах от посыпанного сахарной пудрой слоенного пирожного с изюмом, стали для меня привычной прелюдией к переходу в мир Персеполя, Суз и Накши-Рустама.

Главный же урок, который я извлек, достаточно прост. Его озвучил великолепный эстонский актер Юри Ярвета, когда произносил монолог Стаута в известном фильме Тарковского: «Наука? Чепуха! В этой ситуации все одинаково беспомощны. Должен вам сказать, что мы вовсе не хотим завоевывать Космос. Мы хотим расширить землю до его границ. Мы не знаем, что делать с иными мирами. Нам не нужно других миров, нам нужно зеркало. Мы бьемся над контактом и никогда не найдем его. Мы в глупом положении человека, рвущегося к цели, которая ему не нужна. Человеку нужен человек!» Это, может быть, банально, но это так.

Вместо эпилога

Вот и кончилось лето, так же внезапно, как и пришло. По-осеннему прохладный, затяжной дождь смыл с тротуаров и дорог летнюю пыль, а вместе с ней ушло летнее тепло. Будут еще, конечно, удивительные дни поздней осени, когда солнце одаривает нас своим прощальным теплом, но того летнего зноя уже не будет. Он ушел окончательно и бесповоротно. А вместе с его уходом сами собой подошли к концу эти безыскусные записки, сделанные одним из благодарных слушателей Василия Ивановича, черпающего в них, как и было сказано нам в прощальном напутствии, жизнелюбие и бодрость духа. В сущности, я рассказал лишь о самых ярких из тех эпизодов, которые удерживала моя память. Сделав над собой усилие, я, безусловно, мог бы припомнить и какие-то другие подробности, но в этом случае ушла бы спонтанность, а с ней, и та естественность изложения, которую я в них особенно ценю. Не переводя дыхания, я поделился тем, что берег до лучших времен, про запас. Понимаю, что теперь — самая пора! Пройдя проверку временем, как хорошее выдержанное вино, они уже набрали зрелость и обрели должную терпкость, и пришла пора их отведать, что, собственно, и было сделано.

Главные же итоги, мне думается, таковы. Как и положено настоящему ученому, Василий Иванович не запутывал очевидное, а делал сложные вещи простыми, понятными и ясными. Таковой мне представляется и сама его жизнь: внутренне цельной, благородной и светлой. Отсюда, вероятно, и идут его, так запомнившаяся всем осанка, его доброжелательность, какое-то радостное свечение. В последнее десятилетие своей жизни он, наконец, наслаждался почетом и славой. Он получил государственную премию, была начата публикация его избранных трудов, в Осетии пышно отметили его девяностолетний юбилей. О нем сняли несколько документальных фильмов, написали книги воспоминаний, память о нем увековечили в названиях улиц. Недавно даже была отчеканена монета с его профилем.

Теперь, окидывая взором написанное, я вижу проступающую сквозь серьезный внешний слой некоторую легкомысленную подкладку. Признаюсь, что сочетание высокого и низкого, веселого и грустного, ответственного и безмятежного, серьезного и легкомысленного, полезного и праздного, мне представляется необходимым условием, без соблюдения которого не может быть передана правда жизни во всей ее полноте, не может быть обеспечена подлинность повествования. Лишь в этом сочетании обретается свобода мысли, ничем не ограниченный полет воображения, то есть то, что и является главным проявлением творческого самовыражения. В этом наиболее ясно обнаруживает себя та легкость бытия, которая стала одним из главных впечатлений, на протяжении всех этих лет остающихся со мной и позволяющих не согнуться под тяжестью земного притяжения, преодолевая его в форме пусть и слегка ироничной, но при этом плодотворной.

Вместе с концом наших занятий для меня навсегда завершилось еженедельное приобщение к личности не просто значительной, но, как теперь всем очевидно, безусловно, величественной. Напоследок выражу убеждение, что его уроки древнеперсидского, наверняка, окажутся полезны не только мне одному, но и сослужат хорошую службу любому, кого «Македония уже больше не вмещает», и кто открыт миру, кого манят необъятные дали, и кто готов снова и снова отправляться покорять неизведанное!